

Это был по-настоящему русский человек

Беседа о великом богослове Н.Н.Глубоковском с директором Синодальной библиотеки Московского Патриархата протоиереем Борисом Даниленко

Николай Никанорович Глубоковский

- Скажите, пожалуйста, отец Борис, почему, на Ваш взгляд, труды Николая Глубоковского оказались востребованы именно сейчас, в наше время?

- Сейчас, когда мы переступили грань тысячелетия - может быть, условную, но все же знаменательную - хочется посмотреть, чем наши соотечественники обогатили сокровищницу богословской мысли. И имя Николай Никаноровича Глубоковского оказывается в числе первых на небосводе русского богословия. Этот уроженец земли Вологодской принадлежит, несомненно, всему миру христианскому.

Что этот великий и удивительный человек многое определил в экзегезе Нового и Ветхого Заветов, констатировала проходившая в Москве очень представительная конференция «Проблемы славянской библейской филологии», на которой очень много говорилось о типах древних славянских кодексов Нового Завета, в частности, Евангелиариях. Так, именно Николай Никанорович ввел в научный оборот термин «Апракос», обозначающий Евангелие в порядке литургийных чтений года. Дело не только в термине: развитие современной богословской науки идет именно в том направлении, которое Н. Н.Глубоковский наметил еще в конце XIX века.

- Нередко бывает, что об истинных заслугах человека его современники имеют весьма смутное представление. С Глубоковским, кажется, произошло иначе?..

- Как к Глубоковскому относились современники, показывает знаменитая легенда о Гарнаке - будто бы Гарнак, известный протестантский историк Церкви и богослов, изучил русский язык только для того, чтобы прочесть работу Глубоковского о блаженном Феодорите Кирилском - действительно выдающуюся работу, благодаря которой Николай Никанорович был увенчан степенью доктора церковной истории.

- Легенда - значит, этого не было? Как жаль...

- Это легенда, потому что Гарнак - из российских немцев, и знал русский язык с детства. Но случай такой действительно был, только не с немецким, а с английским богословом Хедламом, впоследствии епископом Глостерским. Он действительно взялся за русский язык под впечатлением от рецензии Гарнака на книгу Глубоковского о Феодорите Кирилском.

- Даже если бы Николай Никанорович ничего не сделал, кроме исследования о блаженном Феодорите, он оставил бы свой вклад в богословие. Но ведь он сделал еще многое...

- Пожалуй, он отличался от самых выдающихся своих современников-коллег тем, что был выдающимся энциклопедистом, причем не схоластом, а энциклопедистом именно двадцатого столетия. У него был необычайно широк богословский исторический кругозор. Он переписывался буквально со всем научным миром - и в Российской империи, и за ее пределами. Об этом свидетельствует собрание писем, которое хранится сейчас в доме Плеханова - филиале отдела рукописей Российской Национальной библиотеки в Санкт-Петербурге.

Скажите, что может быть общего у традиционного русского богослова Николая Глубоковского и писателя Василия Розанова, с его гиперкритическим

взглядом на практику церковную? Розанов обратился к Глубоковскому по какому-то частному делу, я бы сказал, ученого характера, и между ними завязалась переписка. Трудно поверить, но их отношения в письмах, я бы сказал, - это отношения старца и ученика. Я помню одно из писем Розанова, довольно забавное. У Глубоковского был, пожалуй, один только крупный недостаток: ужасный почерк. И вот Розанов пишет Глубоковскому, что он в течение полутора часов читал его письмо, с одной стороны, с великим удовольствием, а с другой - с великим напряжением, потому что глаза устают, разобрать эти каракули невозможно.... А дальше он оставляет на листе бумаги волнообразный след пера - и это действительно похоже на почерк Глубоковского.

Мысли Николая Николаевича во многом опережали его текст. Ему очень многое хотелось сказать.

- Николай Никанорович после революции покинул Россию. Как это происходило?

- Он покинул Россию в 1921 году. Накануне отъезда он пришел к митрополиту Петроградскому и Гдовскому Вениамину (Казанскому), чтобы получить благословение - или не получить его. В фонде Глубоковского сохранилась визитная карточка владыки, на которой надпись, что Николаю Никаноровичу надо уезжать. Почти через год после этого владыка Вениамин мученически погиб. Я думаю, когда он благословлял Николая Никаноровича на отъезд, он внутренне был готов уже к такому повороту в истории.

- Знаменательно, что люди, являвшиеся светочами русской науки, оказались в стесненных, если можно так сказать, обстоятельствах в результате тех страшных событий, которые произошли в России в начале двадцатого века. И все-таки многие, в том числе и Глубоковский, нашли в себе силы продолжать свою деятельность.

- А в чем они черпали силы, как Вам кажется? Ведь далеко не все сумели найти себя на чужбине...

- Думаю, помогли и традиции, семейные - в том числе. Пользуясь терминологией отца Сергея Булгакова, Глубоковский принадлежал к левитскому российскому роду. Очень много предков было связано с духовной средой, его отец был священником. Николай Никанорович очень рано осиротел, ему тогда было около двух лет.

Представьте себе - умирает кормилец огромной семьи. Дети обречены на голод, на неустраиваемость, необразованность... Так вот, русское духовенство в некотором смысле было гарантом того, что талантливые ребята, даже если они оказались без отца и без средств к существованию, могли взойти на самые выси и церковного, и научно-церковного положения. Вспомним знаменитый рассказ Чехова «Архиерей» - человек из самой простой дьяконской семьи смог подняться на святительскую кафедру. Глубоковский родился в Кичменгском Городке, тогда это был Никольский уезд - в общем-то, медвежий угол. Но тем не менее, это была необыкновенно благодатная почва. Один из его самых близких родственников взял мальчика на воспитание. Глубоковский в своих воспоминаниях с необыкновенной искренностью и любовью говорит об окружении, в котором он вырос, о людях, которые его научили читать, поставили на ноги...

- Кажется, он учился в Вологодской духовной семинарии?

- Да, но до того он закончил Никольское духовное училище. И уже в семинарии видно было, что это - необыкновенный человек! Сохранились семинарские работы Николая Николаевича Глубоковского, и некоторые из них показывают, что он не просто был необыкновенно талантлив, необыкновенно поэтически настроен, - Глубоковский был уже тогда подготовлен ко всему, что потом с ним случилось. Мне помогла это понять замечательная исследовательница творчества Глубоковского Татьяна Александровна Богданова, сотрудница отдела рукописей Российской Национальной библиотеки, она сделала описание фонда Глубоковского.

Когда мы читаем семинарское Глубоковского, мы понимаем, что это еще не до конца сложившаяся личность, но уровень уже таков, что можно предполагать: это будет настоящий академический труженик, и человек, совета которого будут спрашивать очень многие. Я бы сказал, такой добрый учительный тон появляется иногда, хотя он был человеком абсолютно ненадменным.

- Наверное, в этом тоже сказывается влияние среды духовной...

- И в этом, и в других качествах. Есть несколько характеристик Глубоковского, которые говорят о том, что он был еще и бескомпромиссным человеком. Уже в

Протоиерей Борис Даниленко. Фото епископа Максимилиана

Московской Духовной академии он был свидетелем одной студенческой выходки, и когда администрация пожелала узнать, кто же совершил не совсем благовидный поступок из его соучеников, он отказался говорить об этом, сказав, что он не может так поступить, потому что это противоречит его пониманию смысла Евангелия. И за это ни мало, ни много, он был отчислен из Московской Духовной академии, был вынужден пропустить целый курс. В принципе, таким поступком он закрывал для себя дверь в академическую аудиторию. Но справедливость возторжествовала.

- Очень мужественный поступок, так мог поступить только очень глубоко верующий человек, признающий евангельские истины основой жизни, а не просто предметом углубленного изучения...

- Таким бескомпромиссным человеком Глубоковский остался навсегда. Занимаясь наследием Глубоковского в эмиграции, я оказался в Софии. Поработал в архивах, нашел несколько писем Глубоковского иерархам Болгарской церкви. Ведь он фактически был основателем богословского факультета университета Клементина Охридского в Софии.

- Из России он уехал в Болгарию?

- Нет, вначале он жил в Финляндии, работал в Праге, Белграде, а потом его пригласили в Софию. Надо сказать, что многие болгарские церковные деятели были выпускниками российских духовных академий, а некоторые - студентами Николая Никаноровича по Санкт-Петербургской духовной академии. Они воспринимали Глубоковского как некий камертон, прислушивались к нему. Кафедра Нового Завета, которую возглавлял Глубоковский, как мне кажется, была самой сильной в раннем периоде богословского факультета в Софии. Эта кафедра и возникла благодаря его стараниям, и была некой парадигмой для развития богословия в Болгарии. Как раз в это время шла подготовка перевода на болгарский язык Священного Писания, и у Глубоковского есть несколько замечательных статей по этому поводу, есть рецензия на этот перевод, и болгарские богословы пошли как раз по тому пути, который наметил Николай Никанорович.

Надо сказать, что в эмиграции Глубоковский очень близко сошелся с отцом Георгием Шавельским, последним протопресвитером Русской Армии и Флота. Люди они были очень разные. Отец Георгий - настоящий, я бы сказал, армейский пастырь, человек абсолютно бесстрашный, бескомпромиссный. И хотя он

На родине Н.Н.Глубоковского. Кичменгско-Городецкий район. Фото епископа Максимилиана

был магистром богословия, написал блестящую работу по истории присоединения униатов к Православию в Белоруссии, - он, конечно же, был далек от академического богословия, и в России они вряд ли пересеклись бы. А в эмиграции они стали близкими друзьями. Отец Георгий постоянно помогал Николаю Никаноровичу, утешал его и как пастырь, и как друг. Супруга Глубоковского была очень больным человеком, ей нужен был особый уход, и здесь отец Георгий помогал. Чтобы поддержать Николая Никаноровича, отец Георгий стал инициатором и организатором чествования русского богослова в Софии в связи с 35-летием научной деятельности. Вышла книжка, в которой много материалов, в том числе и по биографии Глубоковского. Поражает благоговение, с которым современники и соотечественники, оказавшиеся за границей, относились к его деятельности.

- Наверное, Николая Никаноровича почитали не только в Болгарии, но во всей русской эмиграции?

- Очень хорошо писал о Глубоковском выдающийся русский богослов, церковный публицист Николай Арсеньев в статье о Лозаннской конференции, в которой принимал участие Глубоковский. Суть этого отзыва сводится к тому, что даже когда Глубоковский говорил всего несколько фраз, очень простых и понятных, - чувствовалось, что за этими скупыми словами стоит всё наследие Православия. Это был действительно человек, которого можно было бы назвать «мерило праведное».

Николай Никанорович продолжал в эмиграции работать, но не столь продуктивно, как в России. Он был изолирован от рукописных и книжных собраний, с которыми он привык работать в России. Он жил на Невском проспекте, неподалеку от Александро-Невской лавры. Я, честно говоря, несколько раз подходил к квартире 5 в доме 180 и останавливался у двери, за которой жил Николай Никанорович. Но духа нажать на звонок не хватало... Это коммунальная квартира, там живет несколько семей.

- Память о великом церковном ученом осталась в его трудах. Из того, что вы говорите, видно, что фонды Глубоковского сохранились весьма полно?

- Слава Богу, у собраний Глубоковского счастливая судьба. Думаешь о том, какой это был удивительно честный, искренний человек! Он мог вмещать необыкновенную ученость с преданностью Церкви, он дивно говорил о той среде, которая его вырастила... Одним словом, это был по-настоящему русский человек.

Конечно, то, что с ним произошло, вынужденная эмиграция - это великий ущерб для нашей национальной культуры. Но в то же время - это и свидетельство о русском Православии там, за пределами России. Знаете, когда я впервые оказался на кладбище, на котором похоронен Николай Никанорович в Софии, и увидел могилы русских ученых, иерархов, я подумал: изгнанническая доля очень горька, но она по-настоящему нужна была нашим современникам в XX столетии - для того, чтобы люди в Европе поняли, есть где-то наша далекая северная страна, есть вологодские пределы, есть маленькие поселения - такие, как Кичменгский Городок, где на свет появился такой удивительный человек, как Николай Никанорович.

Я бы очень хотел, чтобы вологжане помнили об этом человеке, и не только на мемориальном уровне. Конечно, нужно установить мемориальную доску с его именем на здании, где размещалась Вологодская духовная семинария; вологжане должны знать, что здесь учился в течение четырех лет выдающийся русский богослов, глубокий мыслитель, автор замечательных сочинений. Но не только этого я желаю землякам Николая Никаноровича. Я хотел бы, чтобы они помнили, что среди тех, кто на их малой исторической родине обрел бытие, этот божественный дар, был Николай Никанорович Глубоковский, и что людям, живущим здесь уже в XXI столетии, надо стараться подражать ему. Надо стараться быть такими же честными, бескомпромиссными, усердными к науке, преданными своему делу - и, конечно же, преданными Церкви.

Беседовал Андрей САЛЬНИКОВ